

ОЖИДАНИЕ

ХУДОЖНИКИ ВРЕМЯ

Как-то по телевидению демонстрировался творческий вечер одного известного артиста театра и кино. Сцена сменяла сцену, один оратор представлял другого, и, наконец, нам представили виновника торжества. Он говорил, может быть, несколько бойко, но с надлежащей мерой скромности и такта. Все было хорошо, подомашнему, хотя не доставало разговора о сути: хотелось заглянуть в «секреты творческой кухни». Тут как раз герой вечера начал рассказывать об одной сцене, которая никак не давалась на репетиции. Казалось, сдвинуть ее с места могло только землетрясение... Мы, сидящие перед телевизором, притихли в ожидании развязки.

— Однажды, — заключил артист, — вошел главный режиссер, посмотрел, подсказал, и все ожило, двинулось и зашветилось.

Сразу же нам показали сцену, и... уву, уву! — не было ничего и приблизительно близкого к тому, что должно было подтвердить рассказ о гениальном «прозрении». Голубой экран бесстрастно и, надо думать, объективно донес до нас некий заменитель того, что должно было приобщить нас к мукам, радостям и итогам творчества. Было тоскливо, больно и не за выступавшего даже, а вроде за себя.

«Почему? — спрашивал я себя. — Ведь ов — мыслящий человек и, надо полагать, не враг самому себе. Чем руководствовался мой собрат в оценке творчества вообще и своего, в частности? Зачем он так развенчал творческий процесс?» И вдруг я представил себя на его месте. Наверное, и мне не раз приходилось оказываться в подобном положении...

Каждому человеку справедливо кажется, что именно его профессия, его должность — самая сложная. Признаться, я тоже думаю так о профессии артиста и не только о ее собственных «подводных камнях», но и о шлейфе, который ей сопутствует. Если случается артисту привлечь внимание к своему творчеству, с этого момента с добрым доверием, но очень требовательно следят за ним тысячи человеческих глаз. По собственному зрительскому опыту знаю это чувство ожидания по отношению к художнику, однажды заставившему тебя волноваться, задуматься «о времени и о себе». Появились, к примеру, два сов-

сем разных фильма «В огне бродя нет» и «Начало», у которых одно общее — индивидуальность режиссера Глеба Павфилова и ни на кого не похожей актрисы Инны Чуриковой. Я знаю, что они не останутся в обиде на меня, если скажу, что самое захватывающее сейчас в их творческом союзе — их будущее. Думаю, что я не одинок в своем нетерпеливом ожидании новой встречи с этими художниками, у которых есть что сказать о жизни и при этом сказать по-своему.

Мы все бросаемся к телевизорам или радиоприемникам, слышав голос Аркадия Райкина, потому что всегда ждем встречи с ним, ждем его остро, его юмора. Мы хотим смеяться, хотим вместе с артистом размышлять о том, что еще мешает нашему движению вперед. И я легко могу себе представить, ценой какого творческого напряжения, лучше сказать — горения оплачивает мастер это наше доверие, это наше ожидание.

Тот, кто однажды взял на себя смелость предстать перед тысячами и миллионами зрителей, скажем, в обличье Давыдова или Корчагина, Болконского или Гамлета, тот должен быть готов к тому, что повысается нравственный спрос с него как с личности, как с гражданина. Вот почему, выходя на общественную трибуну, говоря от имени собственного, мы, как мне кажется, должны делать достойным гласности лишь то, что по настоящему выношено нами, стало живой сущностью нашего творческого опыта.

Мы все в той или иной мере умеем рассуждать и о системе Станиславского, и о современной манере исполнения, и о средствах выразительности, и о многом другом. Эта готовность и способность к теоретизированию, пожалуй, естественна. Время «актер-актеричей» давно миновало. И система образования в художественных вузах, и интеллект зрителей, для которых мы делаем свои спектакли, фильмы, и уровень сегодняшней режиссуры — все способствует человеческому совершенствованию артиста, требует от него постоянного накопления знаний и «селекции» мыслей. Однако говорить, конечно, всегда несколько легче, чем делать, хотя и в разговорах надо очень точно и последовательно отстаивать свое творческое «кредо», свои «да» и «нет» и при этом все-

да помнить об объединяющем «мы». А «мы» — это уже не эфемерное «нравится» не нравится», а общая идейно-эстетическая платформа. Здесь советские художники едины, что доказывает вся полудекавальная практика нашего революционного по самой сути искусства.

У нас есть все основания гордиться завоеваниями, успехами советского театра и кинематографа и быть уверенными в успехах грядущих. Важно только, чтобы, думая о судьбах нашего искусства, каждый из нас точно знал, что может и должен сделать он сам, каков будет его личный вклад в общее дело.

В должной ли мере мы так же требовательны и строги к себе, как к другим? Замечаем ли в себе то, к чему так беспощадны и бескомпромиссны в оценке других? Как много в нашей общей жизни зависит от мужества каждого задать себе этот вопрос и еще больше — от мужества на него трезво ответить. Дело, конечно, а не просто правильными рассуждениями.

И вот тут-то единственным реальным полем деятельности снова станет конкретный рабочий павильон, где — какой бы спектакль или фильм ни рождался — создается некий всегда условный мир, который обязан впитать в себя приметы большого мира. Сколько ни спорь о том, какой театр или кинематограф нынче современнее — режиссерский или актерский, документальный или художественный, — все профессиональные проблемы сведутся в конце концов к одной — кардинальной, — к соотношению нашего искусства с жизнью народа, строящего новое общество.

У меня нет, например, оснований жаловаться на невнимание со стороны студий: присылают довольно внушительное число сценариев. Только, читая их, часто ловишь себя на мысли: насколько же велик разрыв между реальной жизнью и тем, что предлагается сыграть мне, моим коллегам. Ежедневно я общаюсь, работаю, спорю и соглашаюсь с людьми, куда более сложными, умными, разноликими, чем те, что смотрят на меня со страниц сценариев. Действие многих сценариев растягивается почему-то на две никому не нужные серии; один эпизод похож на следуюший. Зачастую повторяется то, что много раз уже видел на экране, на сцене или где-то

читал. Меняются лишь должности, фамилии, ситуации...

А утром приходит почта. Откроешь газету — она полна бурлящей жизнью: ставятся и решаются вопросы большой социальной важности, идет всенародное соревнование за новый подъем экономики и культуры, трудная битва за хлеб... Калейдоскоп лиц, людей, судеб, событий! И, право же, в иной обычной газетной заметке выражено интереснее, компактнее, действеннее многое из того, чему посвящены некоторые пухлые сценарии и книги.

У нас есть много талантливых писателей, и приход каждого из них в театр или на киностудию — праздник. Но каждодневная жизнь состоит из буден. И если я позволяю себе ставший уже дежурным упрек в адрес драматургов и сценаристов, в адрес той их продукции, что предлагается ими для чтения нашему брату-артисту, то делаю это для того, чтобы как-то уяснить наиболее типичные ее недостатки. Пьесам и сценариям, посвященным современности, подчас не хватает, как мне кажется, в высоком смысле этого слова чувства Родины — и ее чисто географических просторов, и ее могучего движения во времени — из прошлого в будущее. А ведь именно масштаб, глубина разработки темы — не в последнюю очередь — вызвали к жизни такие явления нашего искусства, как братья Васильевы, как Борис Щукин.

...Менше всего мною руководит стремление переложить на чьи-то плечи ответственность перед временем и народом. Я лишь касаюсь тех вопросов, на которые сам хотел бы ответить. Хочу понять причины, мешающие нам сегодня быстрее преодолеть недостатки, глубоко и точно отмеченные в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии».

Позволю себе еще несколько замечаний в адрес, так сказать, «соседей» кинематографических цехов. Пока еще на съемочной площадке остро ощущаешь, что эпоха сверхскоростей и сварок в космосе осталась во многом за стенами студии. Тяжелые, неповоротливые, немолдые уже камеры не позволяют уловить и запечатлеть стремительный, внутренне подвижный психологический момент, важный для выявления сложного мира современного человека. И без

того трудноорганизуемый процесс съемки осложняется изматывающими ожиданиями какого-нибудь гвоздя, который должны были вбить вчера, да вот еще «не достали»...

А когда прозвучит мобилизующая команда «мотор!», вспыхнет такой свет, при котором не только сосредоточиться, просто находиться в кинопавильоне трудно. Как известно, электросварщик работает в предохранительных очках и всегда предупреждает любопытных: «Не смотрите на свет — вредно». Что же делать нам? Наша цветная пленка малочувствительна, для нее нужен мощный свет.

Техника нашего кинематографа отстала от времени. Сколько раздается речей о необходимости улучшения научно-производственной организации кинематографа, а дело пока идет медленно.

Значительность созданного актером образа, конечно, не определяется ни чувствительностью пленки, ни размером экрана, и смею заверить, что забота о соответствии искусства требованиям времени составляет смысл нашей каждодневной работы.

...Сейчас, работая в театре над одной из трудно прекрасных ролей русского классического репертуара, я часто слышу: «Ждем-ждем... Надемся!» Между тем только сейчас — после года работы — я понял собственное легкомыслие, с каким заявлял о своем желании воплотить этот образ на сцене. В свое время меня не остановила даже испытующе-предостерегающая фраза одного большого режиссера, собиравшегося ставить пьесу.

— Вам не приходило в голову, — спросил он, — что роль несколько иная, чем может показаться и кажется? Вас не смущает, что в нашей труппе на эту роль подали творческие заявки двенадцать артистов?

На меня смотрели мудрые, всепонимающие глаза учителя, глаза человека, постигнувшего не только пределы актерских возможностей, но и многое другое.

Тогда я не понял его предостережений, его отповесной тревоги за мою самонадеянность, я был глух. Сейчас же что-либо поправить поздно... Могу лишь робко предположить, что некоторые черты характера трагического героя прошлого — доброта, природная тяга к справедливости, к идеям человеческого братства — окажутся небезынтересными людям, живущим сегодня, сейчас, и потому помогут мне быть понятым. В этой надежде, в помощи моих товарищей по работе, в строгости к себе я ищу выход.

Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ.